

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

КНИГА 10

КАК ОТЫСКАТЬ
ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ

ПРИШЛО
ВРЕМЯ СТАТЬ
ГЕРОЕМ!

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

Крессида Коуэлл
Как отыскать
Драконий Камень
Серия «Как приручить
дракона», книга 10

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67869540

Как отыскать Драконий Камень. повесть: Азбука, Азбука-Аттикус;

СПб; 2021

ISBN 978-5-389-21774-4

Аннотация

Уже год бушует война между драконами и людьми. Уже год, как все викингские племена склонились перед Элвином Вероломным, признав его будущим Королем Дикозапада, а Иккинг Кровожадный Карасик III остался почти в одиночестве, не считая верных драконов. Но настоящим Королем может стать только тот, кто соберет все десять Утраченных Королевских Сокровищ. Иккингу удалось отыскать девять из них. Восемь отобрал у него Элвин, только одно – маленький дракон Беззубик – осталось при Иккинге. Но самое ценное, самое судьбоносное Сокровище, Драконий Камень, пока никто не нашел.

Но стоит ли его искать? Ведь Драконий Камень может погубить всех драконов на свете. Что, если Иккинг отыщет его, а Камень опять попадет в дурные руки? Кто знает, как повернется Судьба...

Содержание

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев-викингов	15
1. Воин	22
2. Некоторые трудности взаимопонимания	50
3. Иккинг должен умереть	69
4. Неблестящий план Иккинга	75
5. Не по ту сторону от двери	88
6. Ведьма Экселлинор слегка недовольна. Ой-ой...	109
7. Поистине страшная сказка – не читайте перед сном!	118
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Крессида Коуэлл

Как отыскать Драконий Камень. повесть

Cressida Cowell

HOW TO SEIZE A DRAGON'S JEWEL

Text and illustrations copyright © 2012 by Cressida Cowell

Originally published in Great Britain in 2012 by Hodder

Children`s Books All rights reserved

© 2012 by Cressida Cowell

© А. А. Кузнецова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

* * *

Карта Утраченного Сокровища ЧЕРНОБОРОДА ОГОЛТЕЛОГО

Близится время драконов,
Лишь Король вас теперь спасет,
Он должен быть Лучшим из Лучших!
Вы узнаете короля по Утраченному
Королевским Сокровищам.

По дракону, клыков лишенному,
По мечу, из Лучших второму,

По щиту моему из Рима,
По стреле из Страны небывалой,

По рубину, что в форме сердца,
По ключу, все замки отворяющему,

По тикалке, Короне и трону.

Но всех десяти важнее

ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ,

В нем лишь спасенье

ИСТЕРИЯ

БОИ
БЕЖИ
ОСТРОВА

ЗЫБЬ

ХЛЯБИ

ОРО

ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ
ЗВУКОВАЯ
АБЪЕКЦИЯ

ЗДЕСЬ

ЯНТАРНЫХ
РАБОВАДЕНИИ

ТЮРМА ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ

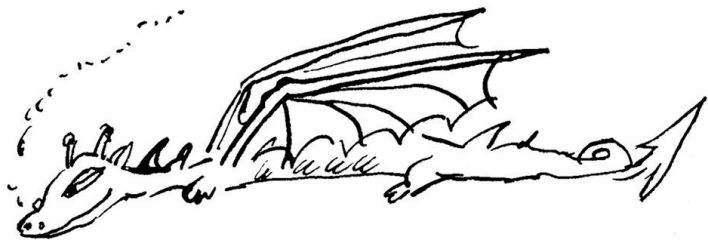
ЗАЛИВ ДРАКОНИХ СКЕЛЕТОВ

Совершенно необязательно читать книги Иккинга по порядку. Но если вам очень хочется, то порядок такой:

1. Как приручить дракона
2. Как стать пиратом
3. Как разговаривать по-драконьи
4. Как перехитрить дракона
5. Как разбудить дракона
6. Как одолеть дракона
7. Как разозлить дракона
8. Как освободить дракона
9. Как украсть Драконий меч
10. Как отыскать Драконий камень
11. Как предать Героя
12. Как спасти драконов

ВНИМАНИЕ!

Если вам вдруг покажется,
будто события этой книги
имеют какое-то отношение
к реальным историческим
фактам, шлите в виду — это
ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

МЫ ВАС
ПРЕДУПРЕДИЛИ!

СПАСИБО

Энн Макнил, Наоми Коттеслек,
Дженнифер Стивенсон, Рудит
Коллар, а больше всех - Саймону Коузми.

КАК ОТЫСКАТЬ ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ

Сочинил ИККИНГ
КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК III

Перевела с древнорвежского
КРЕССИДА КОУЭЛЛ

Санкт-Петербург

ИККИНГ
(герой этой истории)

ОДИНКАЯ
(охотничий дракон Иккинга)

БЕЗЗУБИК
(охотничий дракон Иккинга)

Эггингарда

СТОИК ОБШИРНЫЙ
(папа Иккинга)

Этот самовлюбленный злодей
ЭЛВИН
Вероломный
(ныне и.о. короля Анкозапада)

Злая ведьма
ЭКСЕЛМИНОР
(мама Элвина)

ВЕТРОТОН
(ветровой дракон Иккинга)

Иккинг Кровожадный
Карасик III

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев-викингов

Мужество

Дорогой читатель, если ты и впрямь хочешь узнать, что случилось со мной, тебе понадобится мужество.

Это не последний том моих мемуаров. Но история становится все мрачнее, и даже мне самому требуется мужество, чтобы записать ее.

Я оглядываюсь назад, в те времена, когда в свои четырнадцать лет я был Изгнанником. Всех драконов в наших краях охватила АлаЯрость, и началось Драконье восстание. Разразилась Великая Война между людьми и драконами. Викингов возглавил ужасный злодей Элвин Вероломный, которым вертела как хотела ведьма Экселлинор, его мамочка, тоже злодейка и даже похуже. А драконье воинство вел дракон Ярогнев, и целью себе он поставил ни много ни мало – истребление всего викингского народа.

И Ярогнев побеждал.

Викингов могло спасти только одно: появление нового Короля Дикозапада. А древнее пророчество гласило, что Королем станет тот, у кого окажутся все десять Утраченных Королевских Сокровищ.

Девять из Утраченных Сокровищ уже нашлись. Но самое драгоценное и важное оставалось утраченным: Драконий Камень. Этот Камень обладал властью уничтожить драконов навсегда... Он был единственным, чего боялся Ярогнев.

Восемь Утраченных Сокровищ захватил Элвин Вероломный. У меня, Иккинга Изгнанника, осталось только одно: мой маленький охотничий дракон по имени Беззубик. Но у меня еще была карта Черноборода Оголтелого. Она указывала путь к месту, где спрятан Камень.

И поэтому на меня, Врага и Предателя Номер Один, охотились по всему архипелагу и люди, и драконы. Листовки с требованием моей смерти висели на сотнях обгорелых древесных стволов.

В свои четырнадцать лет я остался совершенно один, не считая трех спутников-драконов.

Мятежные драконы выгнали мое племя с острова Олух. Моего отца Стоика и моего друга Рыбьенога викинги обратили в рабство и отправили в Янтарные Рабовладения. (Раньше-то эти земли назывались Рабовладениями Страхолюдов, но когда ведьма вычислила, где находится Камень, она всех оттуда выгнала.)

Теперь ты понимаешь, почему я зову это время самым

мрачным в моей жизни?

Мне приходилось надеяться, что в конце концов все наладится и маленькие радости и счастье мирной жизни вернутся.

Мне приходилось помнить об этом среди огня, когтей и клыков.

Мне приходилось хранить **Мужество**.

РОЗЫСК

Иккинг Кровожадный Карасик III

ИЗГНАННИК

УБИТЬ НА МЕСТЕ

(Его охотничьего дракона схватить живьем. Он нужен на королевской службе.)

Завик Вероломный

Ведьма. Эксельмюр

Пророчество об утраченных королевских сокровищах

Близится время драконов,
Лишь Король вас теперь спасет,
Он должен быть Лучшим из Лучших!

Вы узнаете Короля
По Утраченным Королевским Сокровищам.
По дракону, клыков лишенному,
По мечу, из лучших второму,
По щиту моему из Рима,
По стреле из страны небывалой,
По рубину, что в форме сердца,
По ключу, все замки отворяющему,
По тикалке, короне и трону.

Но всех десяти важнее
Драконий Камень,
В нем лишь спасенье.

1. Воин

Однажды холодной лунной зимней ночью на верхушке дерева в Забытом лесу сидел, замерев в вышине, словно ангел смерти, высокий и статный воин.

Воин охотился. Он шел по следу Изгнанника много дней. И вот скоро он убьет этого негодяя, врага всего Дикозапада.

Забрало шлема было опущено. Меч ждал своего часа в руке. Воин был неподвижен, как статуя, только пронзительно-голубые глаза обшаривали выющую далеко внизу лесную тропинку.

В те времена драконы с людьми враждовали и людям было строжайше запрещено ездить на огнедышащих ящерах. Однако этот воин, как ни удивительно, восседал на спине дракона, лениво, но чутко вытянувшегося вдоль толстой ветки дерева. Это был воздушный дракон цвета чистейшего серебра, очень-очень редкий и очень-очень опасный. Он тоже смотрел на заснеженную тропинку внизу, и лишь острокопечный хвост его подергивался медленно и ритмично, как у кошки.

Стояла тишина. Воин ждал. Вдруг он насторожился, его глаза под черной решеткой забрала широко распахнулись.

Вдалеке по тропинке среди леса двигался человек. И это был Изгнанник, Враг, которого он и ждал.
Воин удовлетворенно хмыкнул и сел чуть прямее.

Если бы вы могли рассмотреть Изгнанника вблизи (а воин этого сделать не мог, слишком уж высоко он забрался), то удивились бы, как мало у него общего с большинством Изгнанников-Отщепенцев. Трудно было поверить, что этот человек всего два часа назад освобождал драконов прямо из-под носа у Гостедавов, действуя с ловкостью и уверенностью героя.

Это был мальчик лет четырнадцати, тощий и весьма непримечательный на вид. На лбу у него выделялась темно-лиловая метка в виде дракона, которую люди называли Клеймом раба. Звали его Иккинг Кровожадный Карасик III.

Иккинг уже год не спал в кровати, все по кронам деревьев да в пещерах. Питался он орехами и ягодами и тем, что удавалось, трясясь от страха, стянуть в спящих викингских деревьях. День за днем рисковал он жизнью, ломая капканы, поставленные викингскими драконами, и постоянно удирая и от людей, и от их жутких противников. Мятежные драконы преследовали его неустанно.

Поэтому сейчас, в лунном свете, Иккинг выглядел таким, каким был на самом деле. Испуганным, одиноким.

С головы до ног его закрывал огнеупорный костюм из драконьей кожи, рваный и изодранный о колючки и ветки.

Мальчик был грязный и чумазый. От напряжения и страха погони его движения сделались скованными, мышцы нет-нет да сводило судорогой.

Иккинг хромал, под глазом у него темнел свежий синяк. Рядом трусил его ездовой дракон. Ветрогон так вымотался, что выдыхал большие клубы пара, поэтому мальчик не ехал на нем верхом.

Вокруг головы Иккинга порхали два крошечных охотничьих дракона: очень старый, по имени Одинклык, с потрепанными и рваными крылышками, и очень юный, по имени Беззубик, ярко-зеленый, как трава, – самый капризный и суматошный дракончик во всем архипелаге.

Все четверо перешептывались по-драконьи.

– **Говорю тебе, Иккинг,** – увещевал Одинклык тонким дребезжающим голосом, – **твоя Геройская Задача проще некуда. Тебе надо отыскать Драконий Камень, добраться до острова Завтра и надеть корону Короля Дикозапада. Тогда народ Завтра откроет тебе тайну Драконьего Камня, и ты сможешь остановить эту глупую войну и спасти драконов и людей от истребления.**

– **Не-нет, ты вид'дел?** – пищал Беззубик. – **Видел, как я на-налетел на того Гостедава? Разве я не умница? Разве не здорово? Разве я не ве-великолепен?**

– **Да, ты был великолепен, Беззубик,** – отозвался Иккинг, – **но не мог бы ты немного помолчать. Лесные драконы сейчас спят, и мне вовсе не хочется их бу-**

ДИТЬ.

Твоя
Геройская Задача
Проще
Некуда

А ты
видел,
как я налетел
на того Гостедава?

Он потер зашивок и вздохнул. Как же он по всем соскучился... Жизнь Изгнанника очень-очень одинока.

– На деле, Одиноклык, все куда сложнее. Люди должны сами захотеть меня – раба, Изгнанника – в Короли. Нужны настоящие приверженцы-лю-

ди, а не только вы трое. И нужно собрать все Утраченные Сокровища, а восемь из них теперь у Элвина.

– У те-тебя есть я! – пропищал Беззубик, приземляясь Иккингу на руку. **– Б’бе-беззубик – одно из Утраченных Сокровисч’ч, самое лу-у-учшее!**

– Беззубик, – мягко напомнил Ветрогон, **– хвастаться плохо...**

– Ладно, – согласился Беззубик, помрачнев. **– Б’бе-беззубик просто самый луч’ший... а? Пожа-а-алуйста!**

– Карта говорит, что Камень находится в Янтарных Рабовладениях, – продолжал Одиноклык. **– Так почему мы здесь, а не там?**

– Потому что чутье мне подсказывает, что Камня там нет, – ответил Иккинг.

– Нет, потому что твои помыслы заняты другим Геройским Походом, – с жаром заявил Одиноклык. **– Ты хочешь отыскать своего друга Рыбьенога и своего отца. Признайся, именно поэтому мы здесь.**

Это была правда. После того как дракон Ярогнев сжег остров Олух, многие Хулиганы, по слухам, бежали в эти края.

– Ладно, – признал Иккинг. **– Я беспокоюсь за Рыбьенога. Он же всегда вроде как полагался на меня.**

Рыбьеног уродился слабым и болезненным. Четырнадцать лет назад его вынесло волнами на берег Олуха. И поскольку родителей у него не было, Иккинг присматривал за ним и как мог не позволял другим Хулиганам слишком его обижать.

– А это мешает твоему истинному Походу, – перебил Одиноклык, – поискам Драконьего Камня.

– Да не очень-то и мешает, – возразил Иккинг. – Я все равно считаю, что Камня в Янтарных Рабовладениях нет, что бы там ни говорила карта.

Они шли уже очень долго и остановились передохнуть под деревом. Как раз под тем, где сидел воин. Иккинг извлек карту.

Карта была очень подробная. Там были очень тщательно и красиво нарисованы Янтарные Рабовладения с Зеркальным Лабиринтом и тюрьмой Черное Сердце. А в самой середине этого всего красовался Драконий Камень, услужливо помеченный большой стрелкой и заглавными буквами.

Три дракона уставились на карту через плечо Иккинга. Сидевшие наверху, зловещие и невидимые в кронах деревьев, воин и его дракон сделали то же самое.

– **Глядите,** – сказал Иккинг, указывая на большую рыбу – такую длинную, что она занимала всю верхнюю часть карты. – **Что это такое?**

Уж кто-кто, а живущие морем драконы и викинги в рыбах разбираются.

– **Рыба семейства сельдевых,** – изрек Одинклык.

– **А какого она цвета?**

– **Кр-р-расная!** – гордо выпалил Беззубик. – **Спроси ме-**

ня еще! Я все-все цвета знаю, – доверительно сообщил он Ветрогону.

– Понимаете, – вздохнул Иккинг, – у нас, людей, выражение «красная селедка» означает, что ты начал не с того или идешь не туда. Насколько я знаю, Чернобород Оголтелый отличался редким коварством. Помому, он намекает нам, что Камень вовсе не в Рабовладениях. А ты как думаешь, Одиноклык?

Беззубик
все
цвета
знает

Одинклык был настолько стар, что знал Черноборода Оголтелого лично, хотя Оголтелый жил больше ста лет назад. Дракон погрузился мыслями в прошлое, вспоминая этого страшного человека. Память подтвердила, что Чернобород был самым коварным хитрецом после великого обманщика бога Локи.

– **Хмм,** – произнес Одинклык. – **А ведь и правда, шутка как раз в духе Черноборода.**

И в самом деле, какой может быть Зеркальный Лабиринт в тюрьме Черное Сердце? Ведь обстановка там наверняка самая неприхотливая, не до зеркал...

Тут Одинклык многозначительно поднял бровь:

– **Но это может быть двойной блеф...**

– **Итак,** – произнес тихий мягкий голос усталого Ветрогона, – **если Драконий Камень не в Янтарных Рабовладениях, тогда где он?**

– **Вот в том-то и загвоздка,** – сказал Иккинг и широко раскинул руки. – **Он может быть где угодно!**

В этот миг сверху раздался отчетливый шорох – затаившиеся воин и дракон вытянули шеи, с интересом вглядываясь в карту, и слегка пошевелили ветку.

МАХОТЪ!!!

МАХОТЪ!!!

Четыре Изгнанника мгновенно насторожились.

Одинклык подпрыгнул на полметра в воздух, его потрепанные уши резко встали торчком, побагровели и завертелись локаторами на запад, юг, восток и север.

– **Опасность!** – пропищал Одинклык самым громким шепотом. – **Опасность! Быстро! Иккинг, надевай шлем!**

– **Ой... не, ребят, ну правда... он слишком большой... мне проще драться без него...**

Но драконы насели на мальчика, трое на одного.

– **Он тебе нужен!** – шептал Одинклык. – **Забыл, как чуть не потерял ухо там, на острове Драчунов? А как отравленная стрела лишь чудом пролетела мимо, когда ты ломал драконьи капканы у Гостедавов?**

– А когда тебе Головотяпы едва башку не оттяпали? – Ветрогон нервно расхаживал взад-вперед.

– Шлем от головоотяпства не спасет, – возразил Иккинг.

– **Одинклык пр-р-рав!** – поддакнул Беззубик.

В последнее время он все чаще соглашался со стариком.

Пища от натуги, Одинклык с Беззубиком сняли отвергнутый шлем с рюкзака Иккинга, на котором он был приторочен сверху, и с помощью Ветрогона бережно нахлобучили хозяину на голову.

Этот старый шлем они украли пару недель назад у Гостедавов, и сидел он очень плохо.

– **В нем правда неудобно,** – пробурчал Иккинг. – **К тому же эти перья делают меня слишком заметным. Понимаете, мне же полагается не отвечать. Изгнанник должен сливаться с местностью...**

– Тсс... – Одинклык прижал кончик крыла ко рту. – **Говорил же я. Мне здорово сдается, что Ярогнев послал**

за тобой какого-то нового дракона... По-настоящему кошмарного...

– Да, Одиноклык, – кивнул Иккинг. – Тебе всегда сдается. Но прислушайся, все уже стихло.

– А с этим драконом всегда так, – не унимался старичок. – Его почти невозможно засечь. Он один из этих, драконов-невидимок.

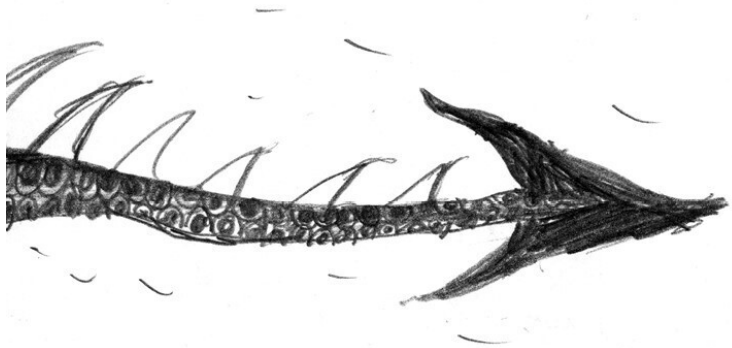
Четверо товарищей наострили уши и прислушались к белому приглушенному миру деревьев и снега.

Ничего.

– На-наврное, ложная тревога, – прошептал Беззубик.

Воин с драконом наверху словно окаменели. Ни листок не шелхнулся, казалось, лес затаил дыхание...

И тут...

«Спасибо, ребята. Шлем был правильным решением», – подумал Иккинг, запрыгивая на спину Ветрогону. Тот понесся прочь, петляя между деревьями.

И тут, оглянувшись через плечо и увидев, что за дракон преследует их, Иккинг не поверил собственным глазам.

Ой, Тор всемогущий...

Ошибки быть не могло.

За ними летел серебряный призрак. Даже в глухой ночи каждая чешуйка блестела ярче, чем, строго говоря, возможно в жизни. Серебряный призрак, казалось, испускал собственное сияние, словно луна. А от его пронзительных завываний уши аж жгло изнутри.

И вместе с очередным воплем он выплюнул язык ярко-голубого пламени, ударивший в деревья впереди. Листья вспыхнули зелеными звездами и осыпались на землю уже черной пылью и черепками.

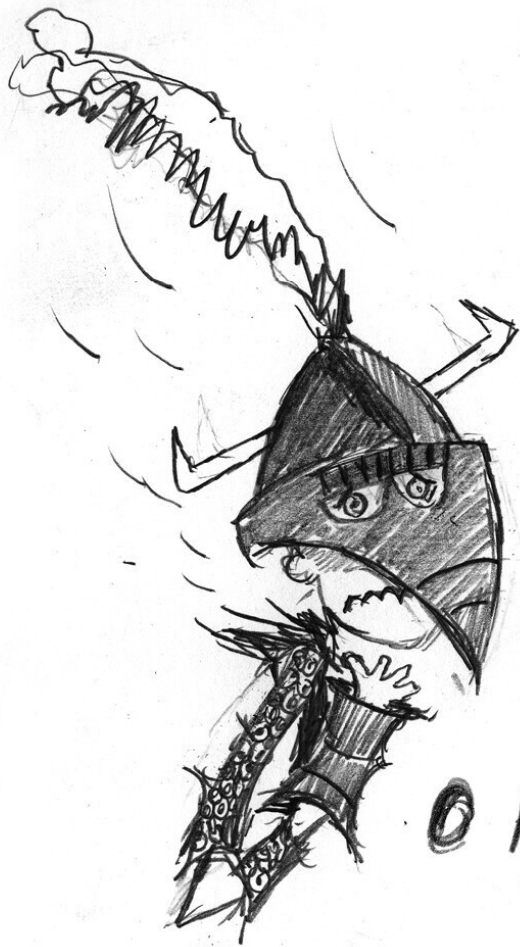
Это точно был серебряный призрак.

Уникальное создание.

И именно на таком драконе разъезжала мать Иккинга. Такое вот совпадение.

А значит, воин, который в это время накладывает на тетиву новую стрелу и прицеливается в Иккинга, направляя ревущего призрака одними коленями... этот воин на самом деле...

O HET...

...родная мама Иккинга,
Валгалларама.

2. Некоторые трудности взаимопонимания

– СТОЙ! МАМА! ЭТО Я, ИККИНГ! – закричал Иккинг.

Но разумеется, сквозь опущенное забрало шлема донеслось лишь: «Бу-бу-бу!»

Иккинг ухватился за забрало и попытался рывком его поднять, но проклятую железяку заклинило намертво.

Ох, Тор его разрази... Вот положеньице-то. Помимо всего прочего, Валгалларама была поистине великой Героиней, одной из самых лучших воительниц. Если Иккингу не удастся сообщить ей, кто он такой, их ждут изрядные неприятности.

Дело в том, что Валгалларама много отсутствовала по геройским делам. Иккинг никогда точно не знал по каким, но Стоик Обширный всегда заверял сына, что дела эти очень важные. Иккинг не видел матушку уже очень долго, года два. Поэтому она вполне могла и не знать, что это не кого-нибудь, а ее единственного сына называют Изгнанником и Врагом Дикозапада. Не говоря уже о том, что Стоика обратили в рабство, да и у самого Иккинга имеется Клеймо. Об этом, а также о множестве других вещей Иккинг надеялся мягко поведать матери в подходящий момент.

Ведь если ему когда-нибудь выпадет шанс все ей объяснить, рассказать, что на самом деле он пытался спасти всех драконов от уничтожения, она, одна из немногих, горячо поддержит его. (Иккинг всегда верил в лучшее.)

Потому что Валгалларама любит драконов.

Иккинг знал, что она любит драконов.

По крайней мере, он думал, что знает, что она любит драконов.

И вот когда он с головокружительной скоростью несся по лесу в глухой ночи под градом стрел Валгалларамы, до Иккинга внезапно дошло, что, возможно, на самом деле

он вовсе не так уж хорошо знает свою маму.

Она отсутствовала по геройским делам очень часто.

И Одинклык, и Беззубик были исключительно скоростными драконами. Они, не особенно напрягаясь, летели по сторонам от Иккинга, словно пара драконьих ангелов-хранителей.

– **Надо признать, он великолепный воин,** – восхищенно прокурлыкал Одинклык.

– **Сколько в нем росту, как ты думаешь? Метр девяносто? Или все два? По-моему, мне не доводилось видеть воина лучше со времен Головонога Кошмарного... Это было еще до тебя, лет шестьсот назад...**

– **Это она! Не он!** – крикнул в ответ Иккинг.

Но сквозь шлем донеслось лишь: «Бу-бу-бу!»

Все мы бывали в таком положении. Ну, может, не в точности таком. Но все мы знаем, каково это, когда позарез надо сказать нечто важное, а никак.

По правде говоря, объяснить что-либо родителям и в обычных-то обстоятельствах бывает непросто. Но куда труднее это сделать, когда маменька несется за тобой очертя голову по темному лесу, уверенная, что ты и есть главный враг человечества.

Ветрогон вырос в исключительно быстроходного дракона, и он был меньше призрака, а потому ему было легче лавировать среди деревьев.

И все же призрак нагонял.

– **Зд’десь, внизу, он нас до-станет,** – заметил Беззубик. – **Почему бы нам не по-подняться?**

За последний год они часто уходили от погони, забираясь так высоко, как драконы-преследователи не могли. Большинство драконов предпочитают держаться ближе к земле. Очень немногие способны действовать на высоте.

Но только не серебряный призрак.

Иккинг хотел объяснить друзьям, что это бессмысленно. Призрак относился к семейству воздушных драконов, лучших летунов в драконьем мире. Они летают быстрее и выше всех. Валгалларама натренировалась не терять сознание на такой высоте, где почти что нечем дышать. Но разумеется, из-за заклинившего шлема никто его не услышал.

Ветрогон слегка не рассчитал поворот и резко качнулся. Призрак цапнул его за заднюю лапу, но ухватить как следует не успел. Ветрогон вывернулся и в слепой панике рванул вверх

– **О нет...** – выдохнул Иккинг, отчаянно пытаясь направить его снова вниз.

Ветрогон обезумел от страха и забирался все выше и выше.

Иккинг глянул вниз. Лес под ними уже превратился в темную кляксу.

И из этой кляксы великолепной серебряной дугой взметнулся вверх серебряный призрак.

Двумя взмахами могучих крыльев роскошный дракон сравнял высоту. Он был слишком быстр для бедного Ветрогона. Призрак заложил громадную петлю у них над голова-

ми, и в нижней ее точке Валгалларама, свесившись с седла, левой рукой сдернула Иккинга со спины Ветрогона.

Призрак ринулся вниз, обратно под лесной полог, и приземлился на полянке. Иккинг болтался у мамы под мышкой.

Перехватив добычу за ворот безрукавки, Валгалларама спрыгнула со спины призрака, прислонила Иккинга к стволу поваленного дерева, вынула у него из-за пазухи карту и швырнула своему дракону.

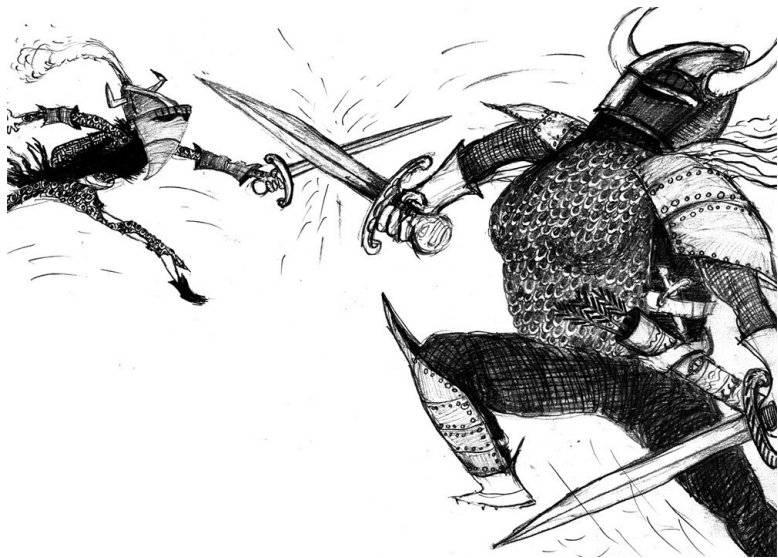
«Ох, Тор мне молотом настучи, – подумал Иккинг. – Надо было прятать карту получше. О чем я только думал? Вот тебе и скрытный Изгнанник...»

Текучим серебряным движением призрак подхватил карту и, взяв вертикально с места, исчез над деревьями.

Пока Валгалларама отвлекалась на карту, Иккинг вывернулся из безрукавки и отбежал. Валгалларама со щегольским свистом выхватила меч, могучий Беспромах.

Иккинг вытащил собственный клинок.

Ему уже становилось немного обидно, что она его так и не узнала. В конце концов, он ее сын. Пора бы какому-никакому материнскому чутью сработать.

Однако Валгалларама действительно слишком редко бывала дома, с горечью подумал Иккинг. Горло у него перехватило от обиды, но он старался не обращать внимания. Сколько раз он ребенком писал ей, просил вернуться домой, объяснял, почему сейчас она ему очень нужна, и сколько раз она в ответ рассказывала, как важен очередной Геройский Поход.

«Важнее, чем я, – думал Иккинг. – Неудивительно, что она не узнает меня. Я не видел ее два года».

Валгалларама атаковала.

Иккинг отбил ее выпад и ответил одним из своих из-

любленных приемов, куда более изящным и менее опасным, но по-настоящему мастерским.

Ярко-голубые глаза в прорези забрала удивленно блеснули. Иккинг заметил это и обрадовался: всегда приятно, когда мать ценит твое воинское мастерство, пусть даже при таких неприятных обстоятельствах.

Потому что бой на мечях был единственным, к чему у него оказался настоящий талант. А за последний год Иккингу выпадало предостаточно возможностей отточить навыки – дважды в день он сражался против людей и драконов. Причем противники не просто дурака валяли, а по-настоящему и искренне его ненавидели и хотели убить.

И сейчас он дрался так, словно ангельским голосом пел гимн богам войны.

К тому же Иккинг был левша, а умелый левша всегда имеет преимущество перед правой.

Однако его верные товарищи-драконы не собирались рисковать.

Они как раз подросли к месту битвы, и Одиноклык выкрикнул:

– Номер Четыре, ребята! Номер Четыре!

Глаза его пылали боевым азартом, удивительным для его преклонных лет.

Номер Четыре означал один из многочисленных маневров, выработанных ими за беспокойный год сражений в лесу и прочих неудобных местах. И один из самых успешных.

– Бу, бу-у, мффф, бу-бу-бу-бу! – отчаянно заорал Иккинг. (Что означало: «**Ребята! Пожалуйста, не надо! Мы не хотим ее убивать! Это страшное недоразумение! Она – моя мама!**»)

Но его драконы абсолютно не понимали, что он говорит, поэтому привели Маневр Номер Четыре в действие.

Ветрогон принялся виться вокруг бойцов, возбужденно твякая и отвлекая. Беззубик спикировал Валгаллараме на голову, а потом вцепился ей в бронированную руку (аж десны заболели). Одиноклык же тем временем поджигал основание дерева у нее за спиной.

Тут Иккингу, при всем его мастерстве, пришлось попотеть, чтобы, защищаясь от Валгалларамы, увести ее от того места, где на нее должно было упасть дерево.

Ох, да что же это такое! Эта двухметровая железная женщина-гора просто не поддавалась.

Он парировал ее выпады Чернобородовым Захватом, Кружевом Молниеноса и двумя Язвительными Подколами, но быстро понял, что она ни за что не сдвинется с места. А Одиноклык, несмотря на свои размеры, уже почти разделся с деревом – ствол зашатался, в жухлой траве у подножия вспыхнули язычки пламени.

Левой рукой Иккинг отчаянно отбивал самые блестящие атаки Беспромаха, одновременно пытаясь правой сдернуть эту ужасную заклинившую жестянку с головы.

– **ВА-А-ЛИИИИ!** – пропели радостным хором Одинок-

лык и Беззубик.

Прожженное насквозь дерево закачалось, как пьяное.

Иккинг, уже не надеясь на успех, в последний раз дернул шлем, и тот наконец слетел с головы, да так резко, что в ушах зазвенело.

– **Мама!** – закричал он во весь голос. – **Не нападай! Это всего лишь я, твой сын, Иккинг! И отойди от того дерева, оно сейчас тебе на голову рухнет!**

Но к величайшему несчастью, он, забывшись, проорал это все на языке, на котором разговаривал весь последний год (понимаете, с людьми общение как-то не складывалось). Не на Северном наречии, а по-драконьи: «**Мама-ся! Ни кусь! То ж тока я, недотепа Иккинг! Да кыш от листвяки, ща те па черепоку вниз-бах!**»

А ведь хотел-то мягко поведать обо всем в подходящий момент...

"Мамася! Ни кусь!
То ж тока я, недотепа
Иккит!"

Жизнь порой куда заковыристей, чем хотелось бы.

Голубые глаза Валгаллары едва через забрало не выскочили от изумления. Она застыла как вкопанная в довольно забавной и неизящной позе посреди Петли Пузырей. Этот прием Молниеноса, один из самых выпендражных, применять следует только людям лет на десять младше и раза в два легче Валгаллары, каким бы грозным бойцом она ни была.

Изумление ее было вполне оправданно.

За один оглушительный, парализующий миг она узнала:

– что по случайности пыталась убить собственного сына;

– что ее сын на самом деле Изгнанник и Враг Дикозапада, про которого все (не только ведьма) говорят, что это он выпустил Ярогнева и начал войну между драконами и людьми;

– что ее сын имеет на лбу Клеймо раба;

– что ее сын свободно говорит по-драконьи, а это ведь строжайше запрещено (хотя могли бы и не запрещать – все равно, кроме Иккинга, никто из людей драконьего не понимал).

БУУУУМММММ!

...приземлилось Валгаллараме точнехонько на металлический кумпол.

И отскочило на землю.

Валгаллараме успела принять более величественную позу и мгновение стояла абсолютно прямо.

Потом слегка покачнулась...

И...

БАА-БАААХХ!!!

...сама рухнула, как подрубленное дерево.

– Видишь, какой я воспитанный, – самодовольно бросил он Одиноклыку.

– Да, молодец, Беззубик, – жизнерадостно похвалил его Одиноклык. – **Прекрасные извинения.**

Иккинг оттолкнул Беззубика и поднял матери забрало.

«Хвала Тору, она дышит...»

Валгалларама действительно дышала, но была без сознания, а на лбу у нее набухла большущая шишка.

Но тут Ветрогон, который в горячке боя почти совсем перестал соображать, тоже заметил, что ужасный воин еще дышит, и попытался увести Иккинга от опасности. А когда Иккинг не послушался, подхватил хозяина в когти, несмотря на его отчаянное сопротивление и вопли: «**Не-е-ет!!! Это же мама!!! Моя мама!!!**»

Одиноклык и Беззубик летели слева и справа от Иккингова, держась возле головы и утешительно воркуя. Они-то были уверены, что это он все неправильно понял.

Даже без шлема у Иккинга ушло десять минут, чтобы втолковать им, что произошло.

Когда все перевели дух, мальчик заставил драконов вернуться к месту битвы. Однако лежавшей без сознания мамы уже не было, осталась только глубокая вмятина в снегу рядом с поваленным деревом. Ствол еще дымился.

Куда она подевалась? Может, до нее бритвокрылы добрались? Или серебряный призрак вернулся и унес ее в безопасное место?

Остаток ночи друзья обшаривали лес, но так и не нашли Валгаллараму.

На рассвете Иккинг раздвинул кусты и заполз поспать в пещеру, служившую ему укрытием. Он привалился к теплему шершавому боку Ветрогона, а два его друга, Беззубик и Одиноклык, уютно свернулись у него за пазухой, что всегда утешало.¹

¹ На самом деле Ветрогон был уже не такой шершавый, как раньше, потому что подрос.

Пусть он Изгнанник, но, по крайней мере, его драконы при нем. А каково Рыбьенугу, который остался совсем один?

Уже засыпая, Иккинг кое-что вспомнил.

Он лишился карты.

3. Иккинг должен умереть

Одинклык был прав – Ярогнев действительно послал дракона убить Иккинга.

За несколько недель до описанных событий, в бесконечной зимней ночи на крохотном островке Олух, где ледяной воздух жалит, будто пчела, Ярогнев возлежал на дымящемся пепелище Хулиганской деревни.

Ярогнев принадлежал к породе моредраконусов гигантикусов максимумсов и возглавлял Драконье восстание. Он положил себе целью истребить весь род людской и не собирался останавливаться, пока не добьется своего.

Хулиганы спаслись от последней ужасной атаки драконов, бежав на южные острова. Там люди еще сдерживали безжалостное наступление драконов-захватчиков. Но Олух достался торжествующему Ярогневу.

Олух был новым и важным завоеванием Ярогнева. И все же...

И все же среди удравших в тот день с островка Хулиганов не хватало одного. Одного Хулигана, за которым сам Ярогнев и все Мятежные драконы безуспешно охотились по морям и лесам, по горам и долам, в ледяных пещерах и жерлах вулканов...

Иккинга Кровожадного Карасика III.

Столько раз мелкий Хулиганишка выскальзывал у Яро-

гнева меж когтей в самую последнюю минуту, петлял, прокрадывался и удирал верхом на своем Ветрогоне с целой сворой завывающих драконов на хвосте, словно хитрый лисенок, уходящий от охотников.

Перед Ярогневом склонился редкий трехголовый дракон Смертень. Его было не видно, поскольку смертени относятся к драконам-хамелеонам. Их шкура повторяет любой фон и движущиеся предметы, так что он казался невидимым.

– **Иккинг должен умереть,** – обратился Ярогнев к Смертеню. – **Неприменно нужно добраться до него, или наше дело обречено на провал. Ты можешь это сделать? Сумеешь найти и убить Иккинга, хотя остальные потерпели неудачу?**

Замаскированный Смертень медленно принял свой естественный цвет. Великолепное создание словно соткалось из воздуха. Теперь он предстал во всей красе: лоснящееся, мускулистое, как у пантеры, тело, пугающе убедительные когти и пасть, способная выдыхать и молнии, и пламя.

Все три морды Смертеня ухмыльнулись. Ядовитые железы на шести щеках на секунду запульсировали желтым. Из пальцев высунулась пара-другая сверкающих гладких когтей, сверкнули на миг и убрались.

– **Господин мой Ярогнев,** – произнесла средняя голова Смертеня. – **Некогда мы с братьями любили человека. Этот человек умер от горя, и виной тому его родичи-люди. Теперь мы ненавидим людей ненавистью**

жгучей, как кислота. Если ты просишь нас убить его, мальчишка уже все равно что мертв.

– Я не ошибся, выбрав тебя, – удовлетворенно произнес Ярогнев. – Ты так похож на меня. Мне нужен был тот, кто ненавидит, как я, и кто не даст слабину. Ведь этот мальчишка Иккинг уже даже начал завоевывать сочувствие наиболее слабых духом участников моего Восстания, разрушая драконьи капканы. Настигни его и убей его. Иккинг должен умереть.

– И Иккинг умрет! – прошипели три головы Смертеня.

Он сложил крылья за спиной, словно нетопырь, прыгнул в воздух и ушел в небо, мгновенно обретя выюжную белизну. Ярогнев проводил его взглядом, вокруг тихо падал снег.

Моредраконус гигантикус максимус

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ:.....	10
АТАКА:.....	10
СКОРОСТЬ:.....	10
РАЗМЕР:.....	10
НЕПОСЛУШНОСТЬ:.....	10

Крупнейший представитель семейства драконовых: моредраконусы гигантикусы максимусы живут в открытом океане.

УЧИМСЯ ГОВОРИТЬ ПО-ДРАКОНЬИ

Муледи, тву така шик-ка крапча нюхач'чка нуи огогосс, нуи шик-ка шерстя-тя хватъ-хватк'ки!

Мадам, у вас очень большой и красивый пятнистый нос, а уж какие красивые мохнатые руки!

Б'бе-беззубика тудум-тудум хрясьпопалам, ча мну ненарош ог-гн'дыхатц-цнул тву морд-футрава. Та ж'жутка иккинг'га.

Я крайне сожалею, что случайно поджег вам бороду, это страшная ошибка.

Б'бе-беззубик то-олст каец'ца. Б'бе-беззубик шарк-шарк ва клинозеленкр'ва кака нуи размаз'з по усь полмяг'ка.

Приношу самые искренние извинения. Похоже, я ступил в какашку клинозавра и растоптал ее по всему вашему ковру.

Мну зырки-зырки, тву невлаз'зя соляшк'ки. Дайнямсы, у?

Вижу, вам трудно управиться со всеми этими устрицами в одиночку. Позвольте, я вам помогу.

Не-не-а, Б'бе-беззубик ни-ни нацепсы та шерстя-тя шуб-ба! Б'бе-беззубик у шуб-ба

**как сюси-пусик. Мну начхат, ча мню огнедыхцы
бу хрусть-мокреть нуи бяк-бяк'ки бу нямцуки.
П'сиб те нуи отваликсы.**

Нет, я НЕ надену эту меховую попонку, я в ней
выгляжу как девчонка. Пусть лучше мои огнедыхальца
замерзнут и крылья превратятся в леденцы. Спасибо
за заботу.

4. Неблестящий план Иккинга

Спустя несколько недель после утраты карты Иккинг Кровожадный Карасик III прятался в тростниках на берегу крохотного островка прямо посередине залива, раскинувшегося перед тюрьмой Черное Сердце. Место называлось заливом Драконьих Скелетов.

С Иккингом были Ветрогон, Одинклык и Беззубик.

Трепеща крыльями, они припали к земле рядом с хозяином. Их кошачьи глаза со страхом таращились сквозь тростник на зловещие места по ту сторону залива.

– Ты же туда не-не пойдешь... – пропищал Беззубик, указывая трясущимся от страха крылышком на тюрьму Черное Сердце. – П-п-пожалуйста, скажи Б’бе-беззубику, что ты туда не-не пойдешь...

– Не вижу иного выхода, – горько отозвался Иккинг, –

теперь, когда моя мать предала нас. Она всегда была немного себе на уме, но я никогда не думал, что она станет по-настоящему воевать против меня.

Иккинг сглотнул. Весь мир спален дотла, а он вот-вот расплачется из-за беспутной мамыши.

Но другого объяснения он не находил. Валгалларама, должно быть, велела призраку отнести Чернобородову карту ведьме. Потому что ведьма теперь засела в Черном Сердце и охотилась за Драконьим Камнем. А вместе с ней и Остолопы, Душегубы, Гостедавы и Хулиганы.

Иккинг видел все корабли, приплывшие туда за последние две недели.

А значит, друг Иккинга Рыбьенот там, и папа, Стоик Обширный, тоже. И Иккинг был решительно настроен вытащить их оттуда, теперь, когда узнал, где они.

«Это я виноват, что они там, поэтому я их вытащу...»

– Ой, бедные мои коготки! – плакал несчастный Беззубик. Он так перепугался, что свалился с плеча хозяина в лужу. **– Смотрите!** – Он указал крылышком на горы драконьих трупов, заполнивших море вокруг. **– Я-я-ярогнев каждую ночь пытается прорваться туда! Как ты надеешься попасть внутрь, если даже ему это не удалось?!**

На одном краю залива помещалась гигантская тюрьма, представлявшая собой единственный вход в обнесенные стеной громадные охотничьи угодья Янтарных Рабовладений. Окружавшие Рабовладения стены, может, и не тянулись так далеко, как Великая Китайская стена, но уж точно были гораздо выше. Тоже вполне себе чудо Древнего мира.

Неторопливый отлив обнажал уродливые и жалкие тела тысяч мертвых драконов. Древние драконьи скелеты выступали из вод залива, словно ажурные печальные соборы. Меж окаменевших ребер перекликались чайки.

Свежих драконьих трупов тоже хватало, и воняли они

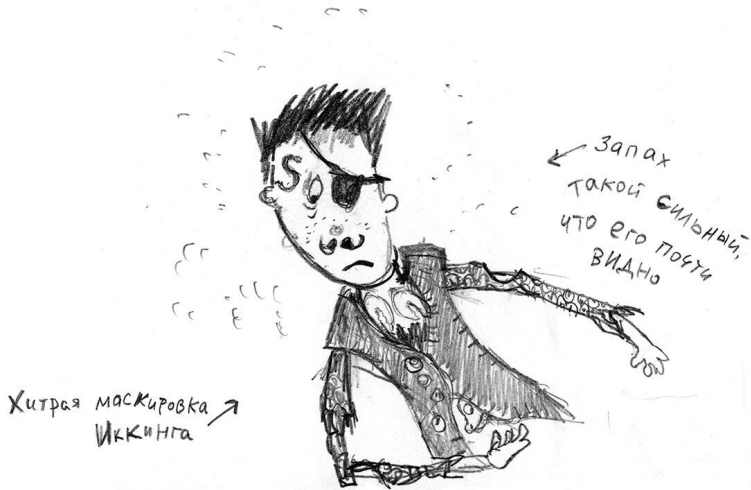
немилосердно, а вода была зеленой от крови. Ведь каждую ночь тюрьму штурмовали отборные силы Мятежных драконов.

– Это ужасный план! Ведьма с Элвином тебя сцапают! – пищал Беззубик, корчась от страха.

– Никто нас не сцапает, – утешал его Иккинг. – Мы просто прокрадемся внутрь, посмотрим, не удастся ли отыскать папу, Рыбьенога и Камень, и выскользнем наружу. Мы, Изгнанники, мастера скрытных проникновений. А если кто нас и заметит, то у меня же Клеймо. Меня просто примут за одного из рабов. И еще, – он подмигнул, – я придумал хитрую маскировку.

Иккинг здорово изменился за год жизни в изгнании. Он отощал, вытянулся, голос у него огрубел, хотя все еще срывался с хрипа на писк, так что его и без маскировки было непросто узнать.

А теперь он снял шлем, вытащил из рюкзака тряпку и замотал ею левый глаз. На кончик носа он прилепил кусочек розоватого свечного воска – получилась весьма убедительная бородавка. Вдобавок он намазался слизью дракона-воночки, которую хранил в маленьком горшочке. Пару дней назад он аккуратно соскоблил ее со спящего дракона в Пылающем лесу.

Запах не позволит людям подойти слишком близко.

– Как я вам?

Беззубик сморщился от кончика носа до кончика хвоста.

– Б'бе-беззубик не хочет к тебе подходить. Очень, очень фу-у.

– Да, ну тебе необязательно идти, Беззубик, если не хочешь. Может, тебе и лучше не ходить, потому что драконам там очень опасно, – сказал Иккинг. – А я не хочу тобой рисковать. Можешь остаться тут с Ветрогоном.

Ветрогон запротестовал:

– Что значит остаться тут? Я тоже иду.

Но Иккинг покачал головой:

– Боюсь, тебе с нами нельзя, Ветрогон. Одиноклык и Беззубик могут спрятаться у меня за пазухой. Но ты слишком большой, тебя не скроешь. Тебя убьют на месте.

Ветрогон закрыл глаза и поджал хвост. Шипастый спинной гребень у него поник.

Мы скоро
вернемся,
Ветрогон,
я обещаю.

Иккинг ласково обнял его, прижавшись к теплой шершавой шее, вдохнув знакомый сладкий запах – кто знает, может, в последний раз.

Ветрогон пах какао.

– Ну, Ветрогон, ты должен остаться здесь. Сторожи мой шлем и наше тайное логово в Забытом лесу, чтобы никто не нашел. Ты и оглянуться не успеешь, как мы вернемся.

Иккинг долго с ужасом ждал этого дня. Возможно, он вот-вот увидит отца. Но ведь это из-за Иккинга, хоть он и не хотел того, Стоика изгнали из племени, и из уважаемого вождя он превратился в раба, а в Янтарных Рабовладениях ему пришлось забыть о легкой и приятной жизни – ни тебе покомандовать зычным голосом, ни пожрать от пуза...

Иккинг отца любил и уважал, и думать о том, что Стоик оказался в таком жалком положении, да еще и по его, Иккинга, вине, было невыносимо. Изменило ли рабство Стоика? Что он теперь думает об Иккинге? А как же Рыбьеног? Все ли с ним в порядке?

Подобные мысли мучили его неотвязно.

Но порой больше всего мужества от Героя требуют не сражения с чудовищами, ведьмами или самой смертью. Больше всего мужества нужно, чтобы отвечать за свои поступки.

Иккинг должен был сделать это.

– Беззубик, ты идешь или остаешься?

– Б'бе-беззубик идет, – торжественно отозвался дракончик, указывая крылышком на Иккинга, – потому что тебе нужна моя помощь, и ч'что бы ты без меня делал? Можно Б'бе-беззубику тоже повязку на глаз?

– Тебе не нужна повязка, Беззубик. Никто тебя не увидит.

– Но она же такая кла-а-ассная...

– Беззубик!

Дракончик, пискнув, нырнул Иккингу за пазуху.

Работорговый корабль торопливо прокладывал себе путь в камышах – вез свежую добычу в жадную пасть Рабовладельцев. Вода уходила быстро, а как только отлив достигнет нижней точки, Мятажные драконы атакуют снова. И тогда все на корабле, считай, покойники.

Иккинг глубоко вдохнул, погрузился в воду и поплыл за кораблем. Судно пробиралось меж драконьих трупов, словно по слаломной трассе.

Иккинг плыл следом. Одиноклык время от времени дышал ему в рот кислородом. Мальчик вынырнул у кормы и пристроился пассажиром, воткнув в деревянный корпус два кинжала.

Сверху доносилось щелканье бичей надсмотрщиков, стоны несчастных рабов, плеск весел.

Корабль остановился, и кто-то окликнул крохотные фигурки высоко-высоко на стенах.

СКРРИИИИИИИИИИИИИИИИИИИП!!!

С протестующим визгом колес и блоков ужасные створки Врат Предателя медленно отворились.

Над створками были высечены в камне зловещие слова, буквами высотой в человеческий рост:

ЗАБУДЬ ОБО ВСЕМ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ.

Надсмотрщик снова щелкнул бичом и выкрикнул команду грести.

Измученные рабы стали грести навстречу собственному забвению.

Медленно, с ужасной окончательностью железные створки захлопнулись...

...намертво.

Скорчившийся в камышах Ветрогон жалобно заскулил при виде этого. Он оставался на месте, дрожа в одиночестве, но часовой тюрьмы Черное Сердце, видимо, заметил его. На стенах расцвела мощная вспышка, и нечто большое и тяжелое, промчавшись мимо бедной Ветрогоновой головы, взорвалось в камышах позади.

Что это было? Что за устрашающее новое оружие люди применяли против драконов?

Ветрогон не стал задерживаться, чтобы это выяснить. С паническим писком он вылетел из камышей и изо всех сил захлопал потрепанными крыльями, улетающая на север, к Забытому лесу. Он печально оглядывался через плечо на ужас тюрьмы Черное Сердце.

Но с перепугу он забыл дурацкий шлем с перьями в камышах.

Много часов спустя кто-то невидимый пробрался между печальными соборами костей давно почивших драконов, приземлился рядом со шлемом и втянул носом его запах.

Три головы улыбнулись, и когти выскочили, словно выкидные ножи.

– **Иккинг...** – прошипела средняя голова с глубоким удовлетворением. – **Иккинг, Иккинг, Иккинг. Он должен быть здесь.**

Все три головы повернулись к Черному Сердцу.

– **И теперь,** – прошипела вторая голова, – **теперь он в ловушке.**

– **Похоже,** – добавила третья голова, снова обнюхивая шлем и с отвращением морщась, – **он повстречался с драконом-вонючкой, и теперь его до смешного легко выследить.**

Дракон полетел в сторону тюрьмы, медленно хлопая крыльями, и принялся кружить над ней, словно замаскированный жадный стервятник.

А мы ведь знаем, что это за дракон, правда? Потому что трехголовых драконов-невидимок в архипелаге не так уж много.

Это был Смерть.

5. Не по ту сторону от двери

И без того неблестящий план Иккинга пошел наперекосьяк с самого начала.

Рабы с корабля, на котором он приехал, высаживались на берег, сползая по сходням. Иккинг собирался раствориться в тених и исследовать тюрьму самостоятельно. За время изгнания он уже сделался специалистом по подобному крадкому поведению.

Но когда он отходил на цыпочках прочь, Одиноклык у него за пазухой чихнул. Чих был тишайший, но, к несчастью, Беззубик выкрикнул «Бузьда!» – что по-драконьи означает «Будь здоров!» – очень-очень громко.

И снова «Бузьда! Бузьда! Б-б-бузьда!», поскольку Одиноклык чихнул еще трижды.

Тюремный стражник на палубе услышал шум и заглянул под трап.

– И куда это тебя понесло? – гаркнул он, решив, что перед ним сбежавший раб.

Стражник огрел Иккинга бичом, а это большее укуса змеебелки, и велел присоединиться к длинной цепочке рабов, утопавших по щиколотку в песке по пути с корабля.

– **Беззубик**, – прошептал Иккинг в ярости. Держась за саднящее плечо, он зашаркал по лабиринту коридоров в темную утробу центрального тюремного двора. – **Пожа-**

луйста, сиди тихо. Помни, мы Изгнанники... шпионы...

– Б’бе-беззубик был вежливый! – запротестовал дракончик.

– Да, вежливость – это хорошо. Вежливость – это очень хорошо. Я правда впечатлен твоей вежливостью, но если бы ты немножко побыл вежливым тихо-тихо, я был бы тебе очень благодарен...

В тюремном дворе царил хаос.

Иккинг озирался с разинутым ртом. Он словно шагнул через дверь в иной, мрачный мир.

Судя по длинным рядам столов с жующими за ними людьми, здесь была устроена такая столовая под открытым небом. Люди за столами были всех возрастов, начиная лет с шести-семи и старше, и у всех на лбу змеилось Клеймо.

Но вокруг этих занятых едой людей стоял грохот войны, гул чистого безумия, от которого звенело в ушах. Словно оркестр Валгаллы играл «фортиссимо», что на одном чужезычном языке означает «очень громко».

Оружие войны носились туда-сюда, кузнецы ковали мечи и копья из раскаленного докрасна металла. Над головой у Иккинга непрерывно рвались петарды, окутывая все клубами желтого дыма. Дым ел глаза и забирался в нос, будто сернистый слизень, забивая горло запахом тухлых яиц.

По периметру двора громоздились зловещего вида капканы на драконов и прочие странные и недобрые сооруже-

ния вроде катапульта, способных выпускать тридцать пять копий одновременно, и северных луков, которые проделывали то же самое со стрелами. Шум стоял такой, что собственных мыслей расслышать не удавалось.

Стражник толкнул новых рабов вперед и торопливо удалился, проорав им через плечо: «Жрите как следует, а то Поиск скоро!» Оставалось только гадать, что бы это значило. К ужасу Иккинга, двор оказался до краев набит знакомыми из самых разных племен архипелага. А поскольку Иккинг был в розыске и его голова была самой дорогой на Дикозападе, ему показалось, что умнее всего ускользнуть в боковой коридор.

Но судьба явно не желала улыбаться Иккингу в то утро.

– ЭЙ ТЫ, ТАМ! ВОНЮЧКА! ДАВАЙ К НАМ! – проорал громадный толстый дядька с ближайшего стола.

Иккинг виновато подскочил.

И тут он в полном изумлении обнаружил, что окликнувший его громадный толстый дядька – его собственный отец, Стоик Обширный.

Этого мига Иккинг и страшился.

Однако бородавка, повязка на глазу и запах делали свое дело. Стоик явно не догадался, кто перед ним.

– ЭЙ! ВОНЮЧКА! – снова заорал бывший вождь. – ДАВАЙ СЮДА БЫСТРО, А ТО ВСЯ ЖРАЧКА КОНЧИТСЯ!

Иккинг медленно подошел к столу, где сидел отец.

Когда он сел, все остальные аккуратно отодвинулись

от него, наморщив носы, – словно море расступилось.

«Вот, наверное, каково страдать очень заразной болезнью», – подумал Иккинг.

Стоик хрюкнул и пододвинул ему здоровенный ломоть хлеба и большую горсть мидий, стараясь не вдохнуть особенно острые и цветистые волны, исходившие от Иккинга.

– Ешь, парень, пока я не передумал.

Ну хотя бы на вид отец был вполне здоров. Глаза несколько погрустнели, может, пара седых прядок в роскошных усах появилась да пузо чуть опало. Но Стоик по-прежнему соответствовал описанию «невероятно толстый мужик с бородой, рыжей и неукротимой, как лесной пожар».

И, к невероятному облегчению Иккинга, оказалось, что остальные рабы, по крайней мере те, что сидели за его столом, уважали Стоика, как будто он по-прежнему занимал важное положение.

Вождь – всегда вождь.

– Новичок, да? – сказал Стоик, пока Иккинг ел. – Как тебя зовут, парень?

Иккинг заставил себя взглянуть отцу прямо в глаза.

Это было ужасно.

Иккинг колебался: если его узнают здесь, в тюрьме, ему несдобровать. Но уж Стоик-то, Стоик-то должен знать, кто он такой, правда?

Стойк Обширный
(некогда гордый вождь
племени Хулиганов,
теперь
РАБ)

Валгалларама часто отсутствовала по геройским делам, так что у нее имелось своего рода оправдание. Но Стоик с Иккингом тринадцать лет ежедневно завтракали за одним столом!

Неужели он правда настолько незапоминающийся? Тор свидетель, Иккинг, конечно, немного подрос, но он же не налепил большие кудрявые фальшивые усы или что-нибудь в этом роде!

Но нет, Стоик явно ни о чем не догадался, ни тени подозрения у него не закралось, что этот мальчик, с которым он поделился ужином, его собственный единственный сын.

– Меня зовут... Прыщ Вонильсен, – ответил Иккинг.

– Хорошее имя, – одобрил Стоик. – А к какому племени ты принадлежал до Клейма?

– К Потерянному племени, – ответил Иккинг, соображая на ходу.

– Добро пожаловать в Команду Охотников за Янтарем, Прыщ Воньяльсен, – громыхнул Стоик, от души хлопнув новичка по спине.

– Вонильсен, – поправил его Иккинг, едва не подавившись устрицей.

– Тут надо держаться вместе, Вонюльсен.

– Вонильсен...

Ой, Тор разрази, отец даже его вымышленное имя запомнить не в состоянии! Так Иккинг, чего доброго, и сам его

забудет.

– Иначе и дня не продержишься в Песках снаружи, – с важностью гремел Стоик. – Мы вот – Охотники за Янтарем. Слушай меня, Охотники за Янтарем! У нас тут новичок! Это Хрящ Вогнульсен из Потерянного племени.

Иккинг посмотрел на Охотников за Янтарем, а затем обвел взглядом двор, и сердце у него провалилось прямо в сандалии.

Все казалось вывернутым наизнанку и подвешенным вверх тормашками. Заправляли тут самые отъявленные подлецы. На почтенных местах, за Высоким Столом, сидели воины Дикозапада, щеголяя лиловыми и желтыми кушаками, и в самой их гуще Иккинг узнал несколько наиболее неприятных Хулиганов: нового вождя, Сморкалу Мордворота, и его приспешников, Песьедуха Тугодума и Бестолкова.

А здесь внизу, в рабской яме, он обнаружил много-много благородных, уважаемых людей, которые всего год назад были гордыми воинами своих племен, а теперь носили Клеймо.

Много оказалось Миролобов, Мракушников, Тихушников. Но за Стоиковым столом, в его Команде Охотников за Янтарем, среди Молчанцев и Шандарахайков, было несколько Хулиганов, которых Иккинг хорошо знал. Коварные Близнецы... Ералаш Дурка...

И Плевака Крикливый, старый учитель Иккинга.

Плевака был самым уважаемым воином. Он храбро сражался за свое племя в бесчисленных схватках и вел – теперь

казалось, в прошлой жизни – Программу Начальной Пиратской Подготовки на Олухе.

У Иккинга перехватило горло, когда Плевака взглянул на него и добродушно поздоровался. Мальчик увидел ужасное Клеймо на лбу у своего учителя.

Кто это сделал с ним? Как они посмели!

И что еще хуже, даже Плевака Иккинга не узнал. Неужели он и впрямь настолько изменился?

Чувствуя себя еще более одиноким, чем в роли Изгнанника, Иккинг оглядывал стол и весь двор. Он искал Рыбьенога, но Рыбьенога тут, похоже, не было.

– Гм... Стоик Обширный, – вежливо начал Иккинг. – А в Команде Охотников за Янтарем есть мальчик по прозвищу Рыбьеног?

Стоику явно сделалось грустно и не по себе.

– Рыбьеног? – переспросил он. – Нет, никогда не слышал о мальчике по имени Рыбьеног, а ты, Плевака?

Плевака Крикливый покачал головой:

– Нет, я тоже никогда раньше не слышал этого имени.

«Никогда не слышали о Рыбьеноге?»

Да о чем они вообще?

Рыбьенюг все пять лет обучения был легендарным двоечником абсолютно по всем предметам Плевакиной Пиратской Программы – по бейболу, по грязнописанию, по всему.

Плевака говаривал, что намерен выковать из Рыбьенюга воина или умереть, пытаясь это сделать. Отец ббольшую часть жизни Иккинга провел в легком раздражении по поводу того, что его сын дружит с таким чудиком. Как они могут утверждать, что никогда не слышали о нем?

Что-то очень странное тут творится...

Иккинг уже собирался задать очередной вопрос, но тут к столу вразвалочку подошел Сморкала Мордворот, новый вождь племени Хулиганов.

Сморкала выглядел великолепно. Не будь он таким мерзким типом, смотреть на то, как он возмужал, было бы одно удовольствие.

Сморкала всегда мечтал стать вождем и теперь, когда Судьба даровала ему исполнение его заветного желания, наслаждался каждым мгновением. В лучах всеобщего восхищения он, казалось, вырос на полметра. Он расхаживал по двору, шутил с друзьями, лучась новообретенной значительностью.

– Славно дрался вчера с драконами, Сморкала! – выкрикнул один из его дружков, Вандал Гостедав. – Скольких прикончил, девятерых?

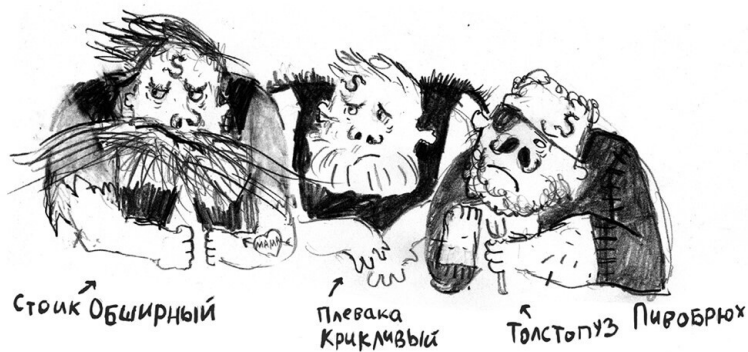
– По-моему, одиннадцатерых, – оскалился Сморкала. – Но все хорошо поработали.

Сморкала пребывал в прекрасном настроении, и когда он подошел к столу Охотников за Янтарем, то, по крайней мере, поначалу не хотел никого обидеть.

– Ешьте быстрее, ребята, – всего-то и сказал Сморкала с ленивой улыбочкой.

Но Стоик, Плевака и Толстопуз оскорбленно поморщились. Во-первых, не было никакой нужды их торопить, а во-вторых, унижительно, когда тобой командует молоко-

сос. И вдобавок – молокосос, который приходится Толстопузу сыном, Стоику племянником и Плеваке – учеником. Ему следовало бы выказывать им значительно больше уважения, особенно в свете того, как переменилась и его, и их судьба.

Иккингу больно было видеть печально поникшие плечи старших. Воистину мир перевернулся с ног на голову.

– Сморкала, – спросил Иккинг, торопливо меняя тему, – ты не видел тут где-нибудь мальчика по имени Рыбьеног?

– Для тебя, раб, – вождь Сморкала, – поправил Мордоворот, мгновенно ошетилившись и несколько подрастеряв хорошее настроение. Он тоже не узнал Иккинга, презрительно мазнув по нему взглядом и наморщив свой гигантский нос от запаха. – Да, Рыбьеног, как же... Это один из Пропа-

ших – исчез во время Поиска пару недель назад. Туда ему и дорога, ничтожеству. Невелика потеря. Такой же дохляк, как ты, разве что не настолько вонючий.

Невелика потеря...

Толстопуз Пивобрюх аккуратно положил ложку. Он посмотрел на сына и тихо произнес слова, которые Иккинг больше всего на свете боялся когда-нибудь услышать от своего отца:

– Сморкала, мне стыдно, что я твой отец.

Мордovorот побелел. Всего на миг он сжался под взглядами старших и сделался маленьким мальчиком, стоящим перед отцом, дядей и учителем – теми самыми людьми, одобрения которых он так отчаянно искал.

Но Сморкала тут же взял себя в руки, снова нацепил маску высокомерия и воинственно прищурился:

– У тебя нет причин говорить так. Может, я и сделал рабом Рыбьенога, но вас-то я рабами не делал. Вы сами виноваты, что не проявили достаточного почтения королю Элвину.

– Мы стали рабами потому, что храним верность Стоику. Но ты не попытался вмешаться и заступиться за нас перед так называемым королем Элвином, а, Сморкала? – задумчиво произнес Плевака.

– С чего бы мне, если вы вели себя как идиоты? – фыркнул Сморкала и посмотрел на отца. – Стыдишься меня? Это мне следует тебя стыдиться, а тебе следовало бы гордиться, что я

вождь. Ты-то так никогда вождем и не стал, а, Пузо? – глумливо ухмыльнулся Сморкала. – Не из того ты теста.

Он похлопал отца по плечу и гордо удалился.

Ох, плохи дела. Ох как плохи...

Когда Иккинг поднес ко рту очередную мидию, рука его дрожала.

«Пропал во время Поиска? Что это значит? Где, Тор это все разрази, Рыбьеног?»

Рядом с ним сидела маленькая девочка с большими гла-

зами, в которых застыло отчаяние, и очень темными всклокоченными волосами, торчавшими под странными углами. Одетая она была в костюм медвежонка, застегнутый на все пуговицы, только неправильно. Казалось, она прочла его мысли.

– Тсс, – шепнула девочка. Она выглядела слишком серьезной для малявки, у которой недавно выпала большая часть зубов. – Нам не разрешается говорить о Пропавших. Это подрывает дух.

«Пропавших?! Что значит „Пропавший“?!» – хотелось воскликнуть Иккингу.

Но тут девчушка с интересом заметила:

– Прыщ Вонильсен, у тебя безрукавка горит.

А-а-а-а!

Иккинг опустил глаза. И правда, из-за ворота безрукавки сочился серый дым. Беззубик все последние пять минут ца-рапал Иккингу живот в смысле «кушать хочется», а теперь с отчаяния перешел к тактике дымовых сигналов.

Иккинг прижал полу безрукавки к груди, чтобы дым не так сильно валил наружу. Ну и как ему теперь это объяс-нять?

Не придумав ничего лучше, он проямлил:

– Должно быть, искра от взрывов там, во дворе, попала... не волнуйся! Я уже погасил!

Затем одним отчаянным захватом Иккинг сгреб остатки

хлеба, сыра и мидий, уронил, как бы не нарочно, одну мидию на пол («Ай-яй-яй!») и нырнул под стол...

Там он вынул из-за пазухи обоих драконов и шепотом напустился на Беззубика:

– Беззубик, не смей поджигать мне безрукавку! Если кто-то заметит, что у меня тут драконы, вы покойники!

– Я случайно, – соврал Беззубик. – У Б’бе-беззубика от голода огнедыхальца текут...

– Так, Беззубик, – прошептал Иккинг, показывая ему зажатые в кулаке мидии и хлеб. – Тут немного, поэтому, прежде чем я тебе это дам, вспомни, как надо себя вести... быть вежливым... делиться... оставь и Одиноклыку тоже.

Во мраке тюрьмы Черное Сердце еще важнее оставаться порядочным человеком. Ну или порядочным драконом.

Беззубик кивнул и повторил:

– Да-да, да-да, я понял, Б’бе-беззубик поделится... Б’бе-беззубик оч-чень вежливый...

Иккинг раскрыл ладонь.

Беззубик распахнул пасть так широко и метнулся вперед так быстро, что не рассчитал бросок и сцапал всю руку Иккинга, в которой были зажаты крошки.

Разумеется, столько ему было не проглотить. Иккинг уставился на питомца, не веря своим глазам. Боги всемогущие, и не подумаешь, что такой маленький дракон способен так

широко разинуть рот.

Медленно, поджав хвост и виновато глядя огромными глазами, Беззубик выпустил руку вместе с едой.

– **О-о-одинклык первый**, – благонаравно сказал он, буд-то ничего не случилось.

И даже позволил Одинклыку съесть пару самых маленьких кусочков, прежде чем наброситься и проглотить остальное.

– **Из’звините, мид’дии**, – бубнил Беззубик с набитым ртом. – **Из’звини, хлеб... Прости, сыр...**

– **Да, прекрасные извинения, Беззубик**, – прошептал Иккинг, – **но перед едой извиняться не надо... Нет-нет, Беззубик, пойми меня правильно, сама идея мне нравится.**

Вдруг в громадном зале воцарилась мертвая тишина.

Все мгновенно умолкли – так цепенеют в молчании маленькие вкусные пушистые зверьки при появлении волков.

И тут, скорчившись под столом, пока Одинклык и Беззубик рядом с ними поедали мидии и хлеб, Иккинг услышал звук, от которого по шее у него поползли мурашки страха, словно под воротник залезли жуки, и волосы на голове встали дыбом, как иглы дикобраза...

«Топ-ТУК, топ-ТУК, топ-ТУК, топ-ТУК...» – стучали шаги по внезапно смолкшему двору.

Холодные щупальца ужаса сдавили сердце Иккинга: чьи-то ноги подошли и остановились прямо перед ним, так близ-

ко, что он мог бы потрогать их.

Одна нога была настоящая, человеческая. Вторая – выточенная из кости.

Жаль, Иккинг не мог видеть остального, ибо Элвин Вероломный, Будущий Король Дикозапада, выглядел весьма впечатляюще. Злодей в расцвете своего злодейства, усыпанный бородавками, будто дерево плодами. Татуировки в виде змей и скелетов густо вились по его гигантским мышцам и всем прочим частям тела, которые еще оставались человеческими.

А человеческого у него оставалось не так уж много. На сегодняшний день у Элвина не хватало руки, ноги, носа и глаза. Все это Будущий Король заменил изящными протезами из самой лучшей слоновой кости, золота и железа, на какие только смог наложить лапу посреди войны.

За стуком и шарканьем шагов Элвина слышался ужасный шелестящий звук, будто шорох крысиных лап, и по двору побежало что-то похожее на большую костлявую белую псину.

Но это была не собака.

Элвин Вероломный
(Будущий Король) →

Это была белая, как коралл, ведьма.
Ведьма, передвигающаяся на всех четырех, как животное.
Ведьма Экселлинор, мать Элвина Вероломного.

Ее отравленные железные ногти скрежетали по каменным плитам двора, порождая тот самый крысиный звук.

Она резко остановилась перед Иккингом... медленно, словно робот, повернула голову... и уставилась... прямо Иккингу в глаза.

Серебряные призраки

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ.....	10
АТАКА.....	10
СКОРОСТЬ.....	10
РАЗМЕР.....	10
НЕПОСЛУШНОСТЬ.....	10

Отдельные виды воздушных драконов летают настолько высоко, что люди их просто не видят. Серебряный призрак как раз из таких: его видят лишь мельком, крайне редко и на огромной высоте. Эти породы драконов также называют привидениями, а некоторые вообще сомневаются в их существовании.

6. Ведьма Экселлинор слегка недовольна. Ой-ой...

Сердце Иккинга замерло, когда пустые ведьмины глаза уставились прямо на него. Старуха была тощей, как скелет, за спиной у нее волочилась седая грива, все человеческое в ней давно умерло. Двадцать лет жизни в темноте древесного ствола вытянули из нее весь цвет, и она сделалась блее слизня и злее змеи. Тесная тюрьма согнула ее спину в дугу.

Иккинг и драконы оказались у нее как на ладони. Заступленные на месте преступления.

Весь последний год она только и делала, что пыталась отловить Иккинга, весь Дикозапад перевернула, чтобы его найти.

И вот он сидит под столом, меньше чем в шаге от ее подергивающегося белого носа, и кормит драконов, что строжайше запрещено. Оба малыша зависли в воздухе, оцепенев.

Ведьма потянула носом воздух раз, другой...

– Драконы... – прошипела она в ужасе. – Драконы...

Она смотрела прямо на него и лаяла, как собака.

Но ведьма едва видела дальше своего носа. Она не разглядела их. На таком расстоянии она могла только чувствовать движение.

«Не шевелись, Беззубик, – мысленно умолял Иккинг, стиснув зубы от страха. – Не шевелись...»

Ведьма продолжала смотреть на них, казалось, целую вечность. Затем ее длинный, острый как нож нос дернулся от отращения.

– Странно, – презрительно заметила старуха. – Мне показалось, я учуяла драконов, но это всего лишь рабы. Ну и вонь.

И – шмыг-шмыг – двинулась прочь, сопровождаемая «топ-ТУК, топ-ТУК» Элвина.

Тор, благослови слизь дракона-вонючки!

Дрожа от облегчения, Иккинг засунул Одинклыка обратно за пазуху. Бородавка на кончике носа отвалилась, и он едва успел подхватить ее, пока Беззубик не слопал. Глубоко потрясенный, мальчик прилепил бородавку на место, затолкал Беззубика к Одинклыку и вылез из-под стола.

Девочка с черными волосами и большими глазами теперь сидела на его месте. О боги, эти большие, полные отчаяния глаза изрядно беспокоили его.

– Долго же ты просидел под столом, – серьезно заметила девочка.

– Я это... отдышал, – только и смог придумать Иккинг.

– Меня зовут Эггингарда, – представилась малышка.

– Приятно познакомиться, Эггингарда, – произнес Иккинг, устало пожимая ей руку. – Послушай, Эггингарда, а что это за Поиск такой и как люди становятся Пропавшими?

– Мы, рабы Янтарных Рабовладений, выходим на Поиск каждый день. – Эггингарда говорила очень по-взрослому для такой маленькой девочки. – Как только начинается отлив, трубят рога, и мы выходим на красные пески искать янтарное Сокровище. Оно нужно ведьме и ее сыну Элвину, но его там нет. Я выходила на пески каждый день, сколько себя помню, и точно могу сказать тебе, что Сокровища там нет.

Здорово...

– Потом трубит второй рог, – продолжала Эггингарда еле слышным испуганным шепотом, – и мы возвращаемся в Черное Сердце. Если только...

– Если только?

– Нас не уносит прилив или... – Эггингарда остановилась и распахнула глаза еще шире, – или что-то еще.

Черные глаза девочки выглядели очень знакомо, она кого-то напоминала Иккингу, вот только кого?

– Эггингарда, – спросил он, – сколько ты уже здесь?

– Сколько себя помню, – сказала девочка.

Бедная Эггингарда.

Сколько себя помнит.

А это долго.

– Все нормально, – сказала Эггингарда. – Я не боюсь, потому что я Странница, а Странники дикие.

СТРАННИКИ
ДИКИЕ...

Эггингарда натянула капюшон, растопырила пальцы, согнув их в когти, и зашипела.

Иккинг притворился, будто испугался. Эггингарде понравилось. Она аккуратно сняла капюшон медвежьего костюмчика и доверительно прошептала:

– Иногда я сама себя боюсь...

– Не сомневаюсь, – ласково сказал Иккинг. – А у тебя, случайно, не было очень страшной бабушки?

– У Странников все бабушки страшные, – ответила Эггингарда.

Ведьма вспрыгнула на Высокий Стол, выпрямилась и открыла рот. Это выглядело так же жутко, как если бы собака внезапно встала на задние лапы и заговорила по-человечески.

– ДУРАКИ! – проскрежетала ведьма. – НЕВЕЖДЫ! ТРУСЫ! ЛЕНТЯИ! ГДЕ МОЕ СОКРОВИЩЕ, ВЫ, ТУПОГОЛОВЫЕ?

– Как видите, – промурлыкал Элвин, полируя свой крюк, – моя мама слегка недовольна.

Но тут ведьма, к немалому облегчению оцепеневших от напряжения слушателей, заговорила совсем другим тоном, мягким и рассудительным:

– Рабы Янтарных Рабовладений. Я принесла вам карту Черноборода. – Она указала на карту, аккуратно повешенную в центре двора. – Видите, как четко там обозначено, что Драконий Камень спрятан где-то между Зеркальным Ла-

биринтом и тюрьмой Черное Сердце? Я всего лишь прошу вас, ради блага всего Дикозапада, отыскать мне Камень. Но вижу, этого мало, чтобы по-настоящему вас заинтересовать. Так слушайте, рабы! – взвизгнула ведьма. – Тот, кто найдет мне Драконий Камень или хотя бы того мелкого Изгнанника...

При упоминании о своей персоне Иккинг виновато подскочил на скамье. К счастью, никто этого не заметил – все напряженно смотрели на ведьму.

– Нашедший Камень, кто бы он ни был, получит самый драгоценный приз из всех... И приз этот, – промурлыкала старуха, – СВОБОДА.

Толпа подалась вперед, жадно впитывая каждое ее слово.

– Свобода, – мечтательно протянули люди вслед за ней. – Свобода...

– Только закройте глаза, – улыбнулась кошмарная ведьма, – и представьте, что это слово значит для вас – свобода...

Закройте глаза и представьте, что свобода значит для вас...

Какие простые слова.

Измученные, оборванные рабы закрыли глаза, и каждый вообразил свое, но все видели одно и то же. Ясное голубое небо. Полет верхом на драконе. Корабль, бороздящий по твоей воле беспокойные волны. Маленький домик в тихой деревеньке на небольшом островке, из трубы лениво поднимается дымок. Дом.

Где-то далеко-далеко от этих цепей, этих безнадежных песков, этих темных тюремных стен...

– А как же Клеймо? – выкрикнул один из рабов, забыв свое место.

– Его можно выжечь, – ловко ответила ведьма. – Операция несколько болезненная, но ради СВОБОДЫ можно и потерпеть.

– Вы ведь лжете, маменька? – шепнул Элвин Вероломный.

– Разумеется, лгу, – сладко шепнула ведьма в ответ. – Клеймо убрать нельзя. Раб остается рабом навсегда.

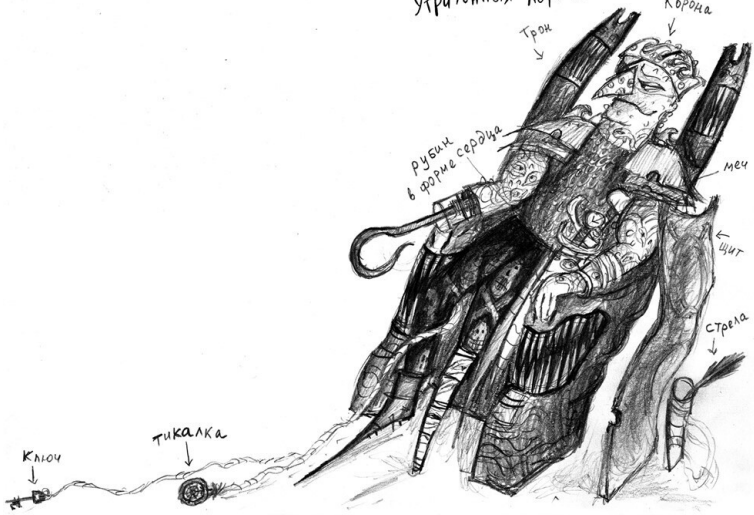
Она повернулась обратно к толпе рабов:

– Завтра из Поиска вы принесете мне Камень, я знаю, что принесете!

Она спрыгнула со Стола и удалилась.

Ох уж эта ведьма. Она и ее сын были нехорошие люди. Очень нехорошие.

У ЭЛВИНА ВОСЕМЬ
Утраченных Королевских Сокровищ

7. Поистине страшная сказка – не читайте перед сном!

Черноволосая девчушка по имени Эггингарда показала Иккингу его место в углу одной из темниц Черного Сердца, служившей рабам спальней.

– Похоже, тут уже кто-то спит, – с сомнением произнес Иккинг.

– Нет. – Девочка твердо и печально помотала головой. – Раньше это была постель Недотепы, но он больше там не спит.

Иккинг устроил Одиноклыка и Беззубика под потрепанным одеялом, которое принес с собой в рюкзаке. Затем там же, под одеялом, у них с Беззубиком состоялся спор шепотом.

– Беззубик, я же тебе велел не трогать несъедобное, помнишь? Погляди, ты мне в рубахе громадную дыру проел...

Беззубик округлил нефритовые глаза и невинно похлопал неприлично длинными ресницами.

– Это не Б'бе-беззубик... – пробубнил он с набитым ртом и с надеждой указал крылышком на Одиноклыка. – Должно быть, это О-о-одиноклык...

– Да у тебя лоскуток из пасти торчит, я же не слепой! – возмущенно прошептал Иккинг. – Лучше сознавайся!

Беззубик запротестовал:

– Нет, н-н-нет, нет...

Но пока он это говорил...

...у него изо рта выпала пуговица.

Иккинг и Беззубик уставились на нее.

У Беззубика все же хватило совести напустить на себя слегка виноватый вид.

– Из’вини, рубашка... – пискнул Беззубик. **– Смотри, Б’бе-беззубик признался! –** Он проглотил остатки рубашки. **– Извини, п-п-пояс. Извини, верх штанов. Извини, карман безрукавки... О, у Б’бе-беззубика хо-хорошо получается сознаваться...**

Из'звини,
рубашка...

Иккинг вздохнул. Так у него не останется ничего необку-санного.

Вынырнув из-под одеяла, он повернулся к Эггингарде:

– А где теперь спит Недотепа?

Девочка нахмурилась. Она не ответила на вопрос, а просто сосчитала на пальцах прежних владельцев постели, где собирался ночевать Иккинг:

– А до Недотепы тут была Пучеглазая Герти, а до нее забавный парнишка с большими ушами, а до него Рукомаха – это за его свечку ты держишься. – (Иккинг отдернул руки от свечи, словно она была отравлена.) – И Ладощка Храбрый, и...

– Что случилось со всеми этими людьми? – спросил Иккинг в ужасе.

Эггингарда не ответила.

– Ты точно уверена, что в этой постели никогда не спал мальчик по имени Рыбьеног? – спросил Иккинг.

Эггингарда глянула испуганно:

– Рыбьеног – это такой высокий тощий мальчик с вьющимися волосами, в разбитых очках и с лицом как у селедки, который мечтал стать скальдом, точно как я?

– Да, – радостно подхватил Иккинг. – Это Рыбьеног!

– Нет, – сказала Эггингарда. – По-моему, я никогда не видела тут никого похожего. Но если бы видела, – добавила она с тоской, – думаю, он бы мне понравился.

– Эггингарда, ты же только что его описала! – раздра-

женно воскликнул Иккинг. – Ты наверняка знакома с ним! Пожалуйста, ты должна мне сказать. Он мой лучший друг. Что случилось с ним? Где он?

Эггингарда встревоженно покачала головой:

– Тсс! Я не могу тебе сказать. Рассказывать о Пропавших не разрешается, это подрывает дух.

Она оглянулась через плечо на темницу, заполненную постепенно затихающим шепотом. Люди устраивались на ночь.

Эггингарда натянула медвежий капюшон и выглянула из-под него.

– Но я могу рассказать тебе сказку, – сказала она, решительно нахмурив густые черные брови так, что они сошлись в одну прямую линию, и втянув воздух сквозь щель в зубах. – Очень страшную сказку. Это сказка не про твоего друга Рыбьенога. – Эггингарда яростно замотала головой. – Не-не-не-не. Это... про кого-то другого. Сказка называется: «Про мальчика-раба, девочку-рабыню и Чудище Янтарных Рабовладений».

– ПФФ! – Кто-то задул последнюю свечу в темнице.

Мрачным и тревожным шепотом маленькая девочка стояла на том, чтобы рассказать сказку.

Представьте себе громадную гулкую темницу, где шепот шелестит, словно голоса духов. Представьте себе Эггингарду, как она лежит в своем медвежьем костюмчике и размахивает в воздухе руками, помогая сказке, и как тени ее рук жутко пляшут в лунном свете на стены темницы.

СКАЗКА
ПРО МАЛЬЧИКА-РАБА,
ДЕВОЧКУ-РАБЫНЮ
И ЧУДИЩЕ ЯНТАРНЫХ
РАБОВЛАДЕНИЙ

– Однажды, давным-давно, в самой Проклятой из всех Проклятых Земель, в Янтарных Рабовладениях, бедный мальчик-раб и девочка-рабыня катили на своих песчаных буерах... – начала Эггингарда.

– **Ой, не давай ей рассказывать...** – простонал Беззубик из-под одеяла. – **А вдруг это страшная сказка, а Б'бе-беззубику и так уже очень стра-а-ашно в этой те-темнице...**

Но Эггингарду было не остановить. Она говорила и говорила, словно история сама рвалась с ее губ. Может быть, девочка просто не могла держать это в себе.

И Иккинг хотел услышать рассказ. Потому что вдруг Эггингарда все придумывает? Вдруг это все-таки история про Рыбьенога?

Для такой малышки Эггингарда рассказывала великолепно, не хуже настоящей сказительницы. Может, просто наслушалась, как это делают взрослые, а может, все Странники – прирожденные рассказчики.

– Отлив был такой низкий, – шептала Эггингарда, – что страшные красные пески протянулись насколько хватает глаз на север, на запад, на юг и на восток – ничего, кроме песка. Песок повсюду. Песок и зловещая тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.